

Чэнь Минхуэй усмехнулся, слегка опустил голову, губы едва шевелились:

— Это уже чрезмерно? Хао Ин, самое «чрезмерное» только начинается. Наслаждайся.

Сказав это, он длинными пальцами поднял свой контейнер для еды и неспешно встал. В глазах одноклассников и учителя Чэнь Минхуэй просто подобрал контейнер, но Хао Ин почувствовала себя так, будто упала в ледяную бездну.

Дьявол. Это настоящий дьявол!

Все, что происходило дальше, Хао Ин делала на автомате, словно робот. Даже когда Чжу Бин взяла её контейнер, чтобы помочь, она даже не отреагировала.

На перевернутом контейнере были повсюду брызги от еды, всё выглядело грязным. Всегда молчаливый Цянь Юй с горечью наблюдал, как Чэнь Минхуэй защищает его, но сам не сказал ни слова в его поддержку. Он чувствовал себя ужасно виноватым. Наконец, он подошел, чтобы взять контейнер и помыть его, но Чэнь Минхуэй выхватил из рук и тот, который держал сам.

— Не мой, я помою дома. В школе нет горячей воды, только ручной насос, и вода ледяная, слишком холодная, можно заболеть.

— Ага, — смущенно пробормотал Цянь Юй.

Чэнь Минхуэй так заботился о нем, а он? Он не сказал ни слова в его защиту, просто стоял в стороне, как и все остальные. Как он мог так поступить? Глубокая вина давила на Цянь Юя, не давая ему покоя.

Чэнь Минхуэй хотел погладить его по голове, но, вспомнив, что Учитель У и весь класс смотрят, сдержался.

В это время к гомосексуализму относились как к чуме, считая это болезнью, извращением, которого нужно избегать. Прошлый раз, когда нашлось любовное письмо Цянь Юя, уже вызвало достаточно шума. Чэнь Минхуэй не хотел добавлять еще одну тему для сплетен, поэтому сдержался. Он лишь слегка наклонился к Цянь Юю и тихо сказал:

— Не думай об этом, поговорим дома.

Цянь Юй кивнул, но его мысли были далеко.

— Ладно, все садитесь. До экзаменов в старшую школу осталось три месяца. Сосредоточьтесь на учебе, не отвлекайтесь на лишнее, — Учитель У постучала по доске, добавила еще несколько наставлений и поспешила в учительскую.

В классе стояла тишина, лишь изредка слышались сдержанные всхлипы Хао Ин. Даже после ухода Учителя У ни один из учеников, ранее восхищавшихся ею, не осмелился подойти, чтобы утешить. Все сидели, уставившись в свои парты, словно внезапно превратились в святых, не замечающих ничего вокруг.

Как только прозвенел звонок, ученики толпой высыпали из класса. Чэнь Минхуэй сунул контейнер Цянь Юю и еще раз серьезно напомнил:

— Дома не трогай холодную воду. Если холодно, сначала растопи кан. Остальное я сделаю, когда вернусь.

В этот момент он увидел, как Учитель У выходит вместе с Хао Ин, и поспешил за ними, держась на небольшом расстоянии.

Как и ожидал Чэнь Минхуэй, мать Хао категорически отказалась платить. Она скандалила, рыдала, прикидывалась бедной, но твердила одно: не платить.

Учитель У, будучи интеллигентным человеком, оказалась в растерянности перед такой сварливой женщиной и не знала, как себя вести. Она посмотрела на Чэнь Минхуэй.

Тот развалился на стуле, закинул ногу на ногу и сказал с нагловатой ухмылкой:

— Не хотите давать деньги и талоны? Ладно. С сегодняшнего дня я буду жить у вас, есть три раза в день. В каждый прием пищи должно быть хотя бы одно блюдо. Я уйду только тогда, когда наемся впрок на сумму долга.

Мать Хао ответила по-хулигански:

— У нас нет еды, чтобы тебя кормить.

— Нет? — Чэнь Минхуэй сплюнул на пол, резко вскочил и схватил Хао Цзяньцай за воротник, угрожающе подняв кулак. — Тогда расплатимся кулаками. Хао Цзяньцай, ты должен знать, насколько крепок мой кулак. Сегодня я в хорошем настроении, даю тебе выбор: сам выбери место, куда я тебя ударю. Я точно отправлю тебя в больницу, а деньги и талоны на лечение пойдут в счет долга.

Чэнь Минхуэй? До Нового года этот парень был просто хулиганом Чэнь Минхуэем. Хао Цзяньцай вспомнил его кровавые истории и от ужаса широко распахнул глаза.

— Мама, папа... спасите! — в страхе закричал Хао Цзяньцай.

Мать Хао тут же вскочила с земли, как наседка, защищающая цыпленка, и заорала:

— Ты только попробуй!

Изначально Чэнь Минхуэй просто хотел напугать, но после такого вызова его кулак сам по себе полетел в Хао Цзяньцай. Тот сразу получил под глазом.

— Он посмеет, мама, он посмеет... — Хао Цзяньцай был так напуган, что чуть не описался. — Это же Чэнь Минхуэй, тот, кто недавно человека ножом поранил. Он и на убийство способен.

Мать Хао слышала имя Чэнь Минхуэя и знала о его «подвигах». Теперь она тоже испугалась.

Но она все равно не хотела отдавать деньги и талоны, поэтому набросилась на Учителя У:

— И это вы учитель? Смотрите, как ученики устраивают убийства и поджоги, и даже не вмешиваетесь!

Учитель У с трудом подбирала слова, глядя на мать Хао:

— Вызывайте полицию.

— Зачем сразу полицию? — Мать Хао испугалась еще больше. Хотя она никогда не занималась убийствами и грабежами, но мелкой кражей промышляла не раз. В то время правовые знания были не полны, и к полиции относились с суеверным страхом. Казалось, стоит полицейскому

взглянуть на нее, и он сразу узнает, что она воровала капусту у одного соседа и картошку у другого.

Даже мать Хао, несмотря на всю свою наглость, понимала, что в этом случае виновата её дочь, и полиция заставит их компенсировать ущерб. Но она боялась, что при расследовании вскроется её воровское прошлое, и её упекут.

Вдруг в воздухе разлился запах мочи — Хао Цзяньцай описался от страха.

— Мама, ты скорее дай ему деньги. Это все равно вина Хао Ин. Если придет полиция, все равно придется платить.

Мать Хао плача сказала:

— Но у нас дома нет талонов на мясо!

Семья Хао имела сельскую прописку, у них не было книжки на пайковое зерно. Обычно они работали в производственной бригаде, получая десять трудодней за один цзяо. Полный рабочий день давал десять трудодней. В конце года, исходя из общего урожая за вычетом сдачи государству, оставшееся зерно делили на общее количество людей в бригаде, а затем умножали на трудодни каждого — так получали количество зерна на год. Зерно выдавали раз в году, талонами его не давали. То же самое касалось мяса и масла.

Если какой-то семье нужно было уехать, они шли в поселковую администрацию за справкой, объясняли ситуацию, ставили печать и могли отнести зерно на зернохранилище, чтобы обменять на талоны. Один цзинь зерна можно было обменять на один цзинь талонов, но цена зерна при обмене была ниже рыночной.

А те, кто получал государственное пайковое зерно, имели зерновые книжки и могли обменивать зерно на талоны без денежных потерь.

Чэнь Минхуэй сказал:

— Тогда идите и меняйте. Сегодня я должен получить компенсацию, иначе...

— Папа, мама, вы скорее идите.

— А, да, — мать Хао, потерявшись от страха, поспешила взять зерно и деньги и вышла из дома.

Талоны на зерно можно было получить, но талоны на мясо — нет, пришлось просить в долг у родственников. Учитывая характер матери Хао и репутацию семьи, немногие хотели помогать в такой беде.

Одна дальняя родственница из тех, с кем семья Хао уже была в пятом-шестом колене, согласилась одолжить, но условия возврата были жесткими.

— Талоны на мясо одолжу, но на праздник Дуанью, когда вам будут делить свинину, ты должна вернуть мне три ляна мяса.

Мать Хао сначала не поняла подвоха и продолжала кивать:

— Конечно, я беру у тебя три ляна талонов, вернуть три ляна мяса — справедливо. Деньги я тебе заплачу по ценам кооператива на тот момент.

У той женщины были высокие скулы и тонкие губы, от природы сварливое лицо, и она резко возразила:

— И еще деньги?

— Ты что, хочешь, чтобы я отпустила мясо бесплатно? Мясо стоит около девяноста центов за цзинь, ты что, хочешь есть даром?

Женщина сказала:

— Я отдаю тебе свои талоны на два месяца, так, просто так, без выгоды?

Мать Хао, видя, что выхода нет, стиснула зубы:

— Тогда я могу дать тебе на один цзинь на десять центов дешевле, но больше не могу.

Женщина скривила губы:

— Жадная.

Десять центов — тоже деньги. Всего на два месяца, и женщина согласилась одолжить семье Хао.

Выйдя за ворота дома женщины, мать Хао плюнула на землю:

— Вот уродка! Только и знает, как наживаться за чужой счет. Нищевродка и есть!

Отец Хао, думая о том, сколько мяса и денег им придется отдать, чувствовал боль, словно мясо отрезали прямо от его тела.

— Все это из-за твоей любимой дочери!

Мать Хао вспылила:

— А разве это не твоя дочь? Или я её от другого мужчины родила, как байстрюк?

Отец Хао поперхнулся от злости.

Мать Хао продолжила ругаться:

— Только и умеешь на меня орать. А когда этот хулиган дома наседавал, ты даже пукнуть не смел.

<http://bllate.org/book/16744/1561623>